

Карл Густав Юнг

Психологические аспекты архетипа матери

1. О ПОНЯТИИ АРХЕТИПА

Понятие Великой Матери происходит из истории религии и охватывает самые разнообразные впечатления типа богини-матери. Еще совсем недавно психологии не было до этого типа никакого дела, потому что в практическом опыте образ Великой Матери появляется в таковой форме крайне редко и только при совершенно особых условиях. Само собой разумеется, что символ — это дериват архетипа матери. Поэтому, если мы держимся исследовать подоплеку образа Великой Матери с психологической стороны, то поневоле мы должны положить в основу нашего рассмотрения куда более всеобщий архетип матери. Хотя сегодня едва ли необходимо пространно разбирать понятие архетипа, но все же и в этом случае мне кажется отнюдь не излишним предпослать некоторые принципиальные замечания.

В былые времена — несмотря на невероятную сумятицу мнений и предрасположенность к аристотелевскому способу мышления — без особых затруднений понимали мысль Платона о том, что всякой феноменальности предсуществует и надстоит идея. "Архетип" — не что иное, как уже в античности встречающееся выражение, синонимичное "идее" в платоновском смысле. Когда, например, в *Corpus Hermeticum*, который, относится примерно к третьему столетию, бог обозначается как (((((((((((([Scoff. *Hermetica* I. P. 140. "архетипический свет".])), то тем самым высказывается мысль, что он есть "праобраз" всякого света, который предсуществует и надстоит над феноменом "света". Будь я философ, то я бы, сообразно моей предпосылке, продолжил бы платоновский аргумент и сказал: где-то-"в занебесье" существует праобраз матери, предсуществующий и надстоящий всякому феномену "материнского" (в западном смысле этого слова). Но так как я не философ, а эмпирик, то мне не приличествует предполагать в качестве общезначимого свой особый темперамент, т. е. мою индивидуальную установку в отношении мыслительных проблем. Такое может себе позволить лишь тот, так сказать, философ, который предполагает, что его диспозиции и установки являются всеобщими, и который не признает свои индивидуальные опасения, ежели это только возможно, за существенное условие своей философии. Как эмпирик я должен констатировать, что бывает темперамент, для которого идеи — сущности, а не только лишь *nomina*. Нечаянно я чуть было не сказал, что ныне — уже почти как два столетия — мы живем в то время, когда непопулярным, даже непостижимым стало допущение, будто идеи вообще могут быть чем-то иным кроме как *nomina*. Но ежели кто-то еще мыслит анахронично в платоническом духе, то он к своему разочарованию узнает, что "небесная", т. е. метафизическая сущность идеи оказалась отодвинутой в неконтролируемую область веры или суеверия или ее из сострадания уступили поэту. В секулярном споре по поводу универсалий номиналистическая точка зрения опять "одолела" реалистическую, а праобраз испарился как *flatus vocis*. Этот перелом (в умонастроении) сопровождался, а в значительной степени даже побуждался, сильным наступлением эмпиризма, преимущества которого навязывались сознанию даже чересчур ясно. С тех пор "идея" — уже не нечто априорное, а только лишь что-то вторичное и производное. Само собой разумеется, что обновленный номинализм столь же безоговорочно притязает на общезначимость, хотя и покоится на некоей определенной, а потому и ограниченной, соразмерной темпераменту, предпосылке.

Она гласит: значимо то, что приходит извне и потому верифицируемо. Идеальный

случай — если есть экспериментальное подтверждение. Антитеза гласит: валидно то, что приходит изнутри и потому неverifiedируемо. Безднадежность последней точки зрения бросается в глаза. Греческая натурфилософия, восприимчивая к вещественности, в сочетании с аристотелевским пониманием добилась поздней, но убедительной победы над Платоном.

И все же в каждой победе есть зародыш будущего поражения. В новейшее время множатся те приметы, которые указывают на некоторое изменение точки зрения. Знаменательным в этом смысле является учение Канта о категориях, которое, с одной стороны, в зародыше подавляет всякую попытку метафизики в старом смысле, а с другой стороны, подготавливает возрождение платоновского духа: если уж не может быть метафизики, которая была бы в состоянии выкарабкаться из человеческих возможностей, то нет и никакой эмпирии, которая не имела бы в качестве своего начала некую априорность структуры познания и которая не была бы ею ограничена. Через полтора столетия, которые минули после "Критики чистого разума", постепенно все-таки уразумели и вняли тому, что мышление, разум, рассудок и т. д. — не процессы, существующие ради самих себя, освобожденные от всякой субъективной обусловленности и подвластные только вечным законам логики, — а психические функции, сопричисленные и соподчиненные личности. Отныне уже вопрос звучит не так: было ли нечто увидено, услышано, руками оцупано, взвешено, рассказано, помыслено и логически найдено? Вопрос теперь совсем другой: кто увидел, кто услышал, кто подумал? Эта критика, зачин которой дали "личностные сравнения" при наблюдении и измерении минимальных процессов, привела к созданию эмпирической психологии, о которой не ведали в былые времена. Сегодня мы убеждены, что во всех областях знания существуют исходные психологические посылки, которые уличают выбор материала, методы обработки, способы умозаключений, а также конструирование гипотез и выдвижение теорий. Мы даже полагаем, что личность Канта была довольно значительной предпосылкой "Критики чистого разума". Мы чувствуем некоторую озабоченность, или прямо-таки угрозу при мысли о том, что личностные посылки лежат в основе не только "философий", но также наших собственных философских наклонностей, и даже наших, так сказать, наилучших истин. Всякая творческая свобода — восклицаем мы — оказывается тем самым предзаданной! Как же так, неужели человек может мыслить, говорить и делать только то, что он собой представляет?

При условии, что мы опять не преувеличиваем и не впадаем таким образом в безграничный психологизм, речь идет, конечно же, о некоторой, как мне кажется, неминуемой критике. Эта критика — сущность, исток и метод современной психологии: имеется некая априорность всякой человеческой деятельности, и эта априорность есть врожденная, т. е. предсознательная и бессознательная индивидуальная структура психики. Предсознательная психика (как, к примеру, психика новорожденного) — ни в коем случае не является пустым Ничто, которому, при благоприятных условиях, можно было бы навязать и внушить все, что угодно, — но это чрезмерно усложненная и индивидуально тончайшим образом детерминированная предпосылка, которая кажется темным Ничто лишь оттого, что мы ее не можем непосредственно узреть. Но едва лишь наступают первые заметные проявления психической жизни, — и надо быть слепым, чтобы не увидеть индивидуальный характер этих проявлений, а именно, своеобразную личность. При этом, конечно же, нельзя допустить, что все эти детализированные характеристики возникают только в тот момент, когда они появляются. Если, к примеру, речь идет о моторных предрасположенностях, которые уже имеются в наличии у родителей, то мы допускаем, что унаследование произошло посредством зародышевой плазмы. Мы и не помышляем даже рассматривать эпилепсию ребенка у матери-эпилептики как удивительную мутацию. Точно так же мы ведем себя в случае дарований, которые могут следовать через поколение. Аналогичным образом мы объясняем воспроизведение сложных инстинктивных действий у тех животных, которые никогда не видели своих родителей и потому не могли быть ими "воспитаны".

В настоящий момент мы должны исходить из гипотезы, что человек постольку не составляет исключения из всех тварей, поскольку он, при всяческих обстоятельствах, как и всякое животное, обладает преформированной, видоспецифичной психикой, которая повсюду, как доказывает доскональное наблюдение, обнаруживает отчетливые следы фамильной обусловленности. У нас нет вовсе никаких оснований для предположения о том, что существуют определенные виды человеческой деятельности (или функции), которые составляли бы исключение из этого правила. О том, как выглядят эти диспозиции или готовности, способствующие инстинктивному поведению у животных, решительно нельзя себе представить. Так же невозможно осознать, что из себя представляют бессознательные психические диспозиции, благодаря которым человек оказывается в состоянии реагировать человеческим способом. Здесь должно говорить о функциональных формах, которые я обозначил как "образы". "Образ" выражает не только форму деятельности, подлежащей выполнению, но одновременно ту типичную ситуацию, которая запускает эту деятельность (Ср. [Jung.]. *Instinkt und Unbewusste*). Эти образы являются "праобразами", поскольку они в конечном счете присущи всему роду; и если они вообще когда-то "возникли", то их возникновение по крайней мере совпадает с началом рода. Это человеческая порода в человеке, специфически человеческая форма его деятельности. Специфический вид лежит уже в самом зародыше. Предположение, будто этот специфический вид не унаследован, а заново возникает в каждом человеке, было бы столь же несуразным, как и то примитивное воззрение, согласно которому солнце, всходящее поутру, есть нечто-то совсем отличное от солнца, зашедшего накануне вечером.

Так как все психическое преформировано — то таковым являются и все его отдельные функции, в особенности те, которые непосредственно происходят из бессознательных готовностей. Прежде всего сюда относятся творческие фантазии. В продуктах фантазии становятся эти "праобразы" явными, и здесь понятие архетипа обретет свое специфическое применение. То, что на эти факты следует обращать внимание — вовсе не моя заслуга. Пальма первенства принадлежит Платону. Первым, кто указал на наличие определенных, распространенных повсеместно "прамыслей" в области психологии народов был Адольф Бастиан. Потом были еще два исследователя из школы Дюркгейма — Юубер и Мосс, они говорили уже собственно о "категориях" фантазии. Бессознательную преформацию в виде "бессознательного мышления" обнаружил не кто иной как Герман Узенер (Usener. *Das Weihnachtsfest* P. 3.). Если мне и принадлежит частица в этих открытиях, то это доказательство того, что архетипы ни в коем случае не распространяются только лишь благодаря традиции, языку и миграции, но они способны спонтанно возникать — вновь и вновь, во всякое время и повсеместно, и именно в таком виде, который неподвержен влияниям извне.

Нельзя умалять значение этой констатации, ведь если это не нечто вздорное, то в каждой психике наличествуют именно бессознательные, но от этого не менее активные и живые готовности, формы, — если угодно — даже идеи в платоновском смысле, которые наподобие инстинктов преформируют и оказывают влияние на мышление, чувства и поступки.

Всякий раз я сталкиваюсь с недопониманием, потому что архетипы определяют содержательно, как если бы они были чем-то вроде бессознательных "представлений". Поэтому следует еще раз подчеркнуть, что архетипы определены не содержательно, а только лишь формально, да и последнее очень условно. Содержательно праобраз определен только тогда, — и это можно показать — когда он осознан и потому наполнен материалом сознательного опыта. Что касается его формы, то ее можно сравнить — как я уже объяснял в другом месте — с осевой системой кристалла, которая определенным образом преформирует

образование некоего кристалла в материнском растворе щелочи и при этом сама не обладает никаким вещественным бытием. Эта система осей проявляется только в том, каким способом будет происходить присоединение ионов и затем их кристаллизация в молекулы. Архетип — это сам по себе пустой, формальный элемент, не что иное, как "*facultas praeformandi*", некая а priori данная возможность определенной формы представления. Наследуются не представления, а формы, которые в этом отношении в точности соответствуют также формально определенным инстинктам. Наличие архетипов-в-себе так же нельзя доказать, как и наличие инстинктов, до тех пор, пока последние не подтвердятся *in concreto*. Что касается определенности формы, то сравнение с образованием кристалла является вполне ясным, поскольку система осей определяет только стереометрическую структуру, но никак не конкретный облик какого-то конкретного кристалла. Сам кристалл может быть больше или меньше, он может варьировать из-за различий в процессе формирования своих поверхностей или из-за взаимного прорастания своих друз. Константной является только система осей в своем в принципе невариабельном геометрическом соотношении. То же самое верно и для архетипа: его можно назвать в принципе и он обладает невариабельным ядром значения, которое всегда только в принципе, но никак не конкретно предопределяет способ его проявления. То, как архетип матери проявляется в каждом конкретном случае, никогда нельзя вывести только из него одного, потому что это основано на других факторах.

2. АРХЕТИП МАТЕРИ

Как и каждый архетип, архетип матери имеет воистину невообразимое множество аспектов. Упомяну только некоторые типичные формы: мать или бабушка конкретного человека, крестная мать или свекровь и теща, какая-либо женщина, с которой человек находится в некоторых отношениях, а также кормилица и нянька; это может быть родоначальница или представительница белой расы — в высшем, переносном смысле — богиня, особенно, мать бога, дева (как помолодевшая мать, например, Деметра и Кора), София (как мать-возлюбленная, что-то вроде типа Кибелы-Аттиса или как дочь-возлюбленная — как помолодевшая мать); цель страстного избавления (рай, Царство Божие, Небесный Иерусалим); в более широком смысле — церковь, университет, город, страна, небо, земля, лес, море и стоячая вода; материя, преисподняя, луна, в более узком смысле — как место рождения или происхождения — пашня, сады, утес, пещера, дерево, родник, глубокий источник, купель, цветок в качестве сосуда (роза или лотос); как заколдованный круг (мандала с Падмой) или как тип *Comu Coria*; в самом узком смысле — матка, всякая полая форма (например, гайка), йони, хлебная печь, чугунок; из животных — корова, заяц, и вообще помогающие животные.

Все эти символы могут иметь позитивный, благоприятный, или же некоторый негативный, *nefas* смысл. Амбивалентный аспект — у богинь судьбы (Парки, Граи, Норны), нечестивый — у ведьмы, дракона (у всякого заглатывающего или обвивающего животного, как например у огромной рыбы или змеи); сюда же следует отнести могилу, саркофаг, водную пучину, смерть, ночной кошмар и детский ужас (тип Эмпузы, Лилит и т. д.).

Этот список несколько не притязает на исчерпывающую полноту, он указывает только лишь на существенные черты архетипа матери. Его свойство суть нечто "материнское": в конечном счете магический авторитет всего женского; мудрость и духовная высота по ту сторону рассудка; нечто благостное, нечто дающее пристанище, нечто чреватое, несущее в себе что-то, подательница роста, плодородия и пропитания; место магического преосуществления и возрождения; содействующий и помогающий инстинкт или импульс; нечто потаенное и сокрытое, нечто темно-дремучее, бездна, мир мертвых, нечто заглатывающее, обольщающее и отравляющее, нечто возбуждающее страх и неизбежное. Эти свойства архетипа матери я подробно описал и снабдил соответствующими примерами в

книге "Symbole der Wandlung". Основную противоречивость этих свойств я там сформулировал в виде оппозиции любящей и устрашающей матери. Ближайшая нам историческая параллель — это, конечно, Мария, которая в средневековой аллегории является одновременно Крестом Христовым. В Индии это была, вероятнее всего, противоречивая Кали. Философия санхьи оформила архетип матери в виде понятия Пракрита и подразделила его на три гуны в качестве основополагающих свойств, а именно: благо, страстность и пассивность — саттва, раджас и тамас (Этиологическое значение трех гунов. См. Weckerling [Hg.]. Das Glück des Lebens. Medizinisches Drama von Anandarayamakht. P. 21ff. Garhe. Die Samkhya-Philosophie. P. 272ff.). Это — три существенных аспекта матери: а именно ее оберегающая и питающая доброта, ее оргастическая эмоциональность и ее темнота, присущая преисподней. Та особая черта Пракрита в философской легенде, а именно ее танец перед Пурушей для того, чтобы напомнить последнему о "различительном познании", относится, собственно говоря, уже не к архетипу матери, а к архетипу Анимы. Последний в психологии мужчины постоянно смешан с образом матери.

Несмотря на то, что облик матери, так сказать, универсален в психологии всех людей, однако на практике, при изучении индивидуальных случаев этот образ все же существенно изменяется. Здесь, по-видимому, чрезвычайно сильное влияние оказывает перенос значимости личной матери. Эта фигура столь сильно выпячивается в персоналистической психологии, что последняя, как известно, никогда — даже теоретически — не выходила за пределы личной матери в своих воззрениях. Как бы в предвосхищении этого обстоятельства, мое воззрение, принципиально отличное от психоаналитической теории, приписывает индивидуальной матери лишь некоторое, вполне определенное значение. Другими словами: это не столько личная мать, от которой исходят все те, описанные в литературе влияния на детскую психику, а как раз тот архетип, который, проецируясь на мать, придает ей некий мифологический фон и вместе с тем наделяет ее авторитетом, даже нумиозностью (Тому американская психология дает примеры в огромном количестве.). Травмирующие воздействия матери, рассмотренные ретроспективно с этиологической точки зрения, нужно подразделить на две группы: во-первых, это такие, которые соответствуют действительно наличествующим свойствам характера и установкам матери индивида, и во-вторых, те, которыми она обладает лишь по-видимости, потому что в этом случае речь идет о проекциях фантастических (т. е. архетипических) свойств со стороны ребенка. Уже Фрейд признал тот факт, что действительная этиология невроза никоим образом не коренится в травматических воздействиях — как он полагал прежде — а скорее, в своеобразном развитии инфантильной фантазии. С этой возможностью навряд ли стоит спорить, потому что так называемое своеобразное развитие всегда может быть сведено к влияниям со стороны матери, нарушающим это развитие. Поэтому я ищу причину инфантильных неврозов в первую очередь у матери, хотя по опыту знаю, что, во-первых, ребенок намного более вероятно будет развиваться как нормальный, чем невротичный, и что, во-вторых, в подавляющем большинстве случаев, определяющие причины нарушений могут быть обнаружены у родителей, в особенности у матери. Содержания аномальных фантазий только отчасти соотносимы с матерью индивида, при этом они очень часто содержат ясные и недвусмысленные свидетельства, которые слишком сильно превосходят то, что можно было бы приписать настоящей матери; в особенности это заметно, когда речь идет о выраженных мифологических образах, как это часто бывает в случае инфантильных фобий, — именно тогда мать появляется как животное, ведьма, привидение, пожирательница людей, гермафродит и тому подобное. Там, где фантазии не имеют явно мифологических черт, или — если они таковые, — не всегда выводятся из бессознательных предпосылок, но вполне могли бы происходить из услышанных сказок, случайных замечаний или из чего-то аналогичного, то на всякий случай следовало бы провести тщательное исследование. Однако у детей это следует принимать в расчет (по практическим соображениям) намного меньше, чем у взрослых, которые такие фантазии переносят во время лечения, как правило,

на врача, или точнее говоря: эти фантазии обнаруживаются в виде проекций.

Вовсе недостаточно их усмотреть и разделаться с ними как с чем-то смехотворным, по крайней мере до тех пор, пока архетипы принадлежат к той неотчуждаемой части психики и образуют тот "клад в поле темных представлений", о котором говорит Кант, и о которых свидетельствуют бесчисленные "мотивы драгоценности" в фольклоре. По сути своей архетип ни в коем случае не есть только лишь устрашающая преюденция. Таковым он становится только если он не на своем месте. Сам по себе он принадлежит к величайшим ценностям человеческой души и потому заселил все олимпы всех религий. Упразднение его как чего-то нестоящего означает потенциальный урон. Речь же идет как раз о том, чтобы развязать эти проекции, чтобы их содержания опять вернуть архетипу (так как он их потерял из-за спонтанного отчуждения).

3. КОМПЛЕКС МАТЕРИ

Архетип матери образует основу так называемого комплекса матери. Остается открытым вопрос, может ли таковой осуществиться без матери, каузальное содействие которой может быть подтверждено фактами. Исходя из моего опыта мне кажется, что сама мать всегда является активным зачинщиком этих нарушений, и в особенности инфантильных неврозов или тех, этиология которых несомненно простирается в раннее детство. В любом случае, однако, инстинктивная сфера ребенка нарушается, и конstellация архетипов оказываются таковой, что они выступают в качестве чуждого, а зачастую и устрашающего элемента в отношениях между матерью и ребенком. Ежели, к примеру, ребенок регулярно видит во сне свою сверхзаботливую мать в виде какого-то злого животного или как ведьму, то такое переживание образует раскол в детской душе и тем самым — возможность невроза.

А. Комплекс матери у сына

Действия материнского комплекса различны в зависимости от того, идет ли речь о сыне или дочери. Типичными воздействиями на сына являются гомосексуальность и донжуанство, а при некоторых обстоятельствах и импотенция (Здесь однако определяющую роль играет отцовский комплекс.). При гомосексуальности гетеросексуальные компоненты застревают в бессознательной форме на матери, в случае донжуанства — мужчина бессознательно разыскивает мать "в каждой бабе". Воздействия материнского комплекса на сына выражены в идеологии устроения типа Кибелы-Аттиса: самокастрация, безумие и ранняя кончина. У сына не бывает комплекса матери в чистом виде, так как всегда существует неравенство полов. Это половое различие составляет основу того, почему в любом комплексе матери у мужчины значительную роль, наряду с архетипом матери, играет также и архетип сексуального партнера, а именно Анимы. Мать — это самое первое женское существо, с которым сталкивается будущий мужчина — и она не может постоянно ему не подыгрывать (так сказать, задавать масть мужественности своего сына) — громко или тихо, грубо или нежно, сознательно или бессознательно; так же впрочем как и сын — он все более и более подмечает женственность матери и по крайней мере бессознательно, или инстинктивно на нее отвечает. Таким образом у сына простые отношения идентичности или выделяющего себя противостояния постоянно перекрещиваются с факторами эротического притяжения и отталкивания. Из-за этого картина происходящего чудовищно усложняется. Но я не хотел бы утверждать, что вследствие этого должно было бы отнестись серьезней к комплексу матери у сына, чем к тому же комплексу у дочери. В исследовании этих комплексных душевных явлений мы стоим только в начале пути, на стадии пионерской работы. Сравнение допустимо лишь тогда, когда в наличии имеется достаточное количество статистических данных. Таковых пока что еще не предвидится.

В чистом и неусложненном виде комплекс матери имеется только у дочери. Здесь речь идет, с одной стороны, об усилении женского инстинкта, исходящего со стороны матери, с другой стороны, о его ослаблении вплоть до затухания. В первом случае возникает бессознательность собственной личности из-за того, что инстинктивный мир перевешивает, во втором случае развивается проекция инстинктов на мать. Предварительно и вчерне мы должны довольствоваться констатацией того, что комплекс матери — в случае дочери — либо чрезмерно способствует развитию женского инстинкта, либо, соответственно, его тормозит; в случае сына же он ранит мужской инстинкт из-за неестественной его сексуализации.

Так как "комплекс матери" — понятие из области психопатологии, то он всегда связан с понятием ущерба и страдания. Но если мы его все же извлечем из слишком узких рамок патологии и если мы придадим ему более широкое и всеохватывающее значение, то сможем также упомянуть его положительное действие: у сына, к примеру, происходит — наряду с гомосексуальностью или вместо нее — дифференциация эроса ([Jung.]. *Über die Psychologie des Unbewussten*. Paragr. 16 ff: "Die Erostheorie".) (в этом направлении созвучно что-то в "Simposion" Платона); так же, как развитие вкуса и эстетического чувства, в которых никоим образом нельзя сбросить со счетов определенный феминный элемент; в последующем — качества воспитателя, которым зачастую женская способность вчувствования придает наивысочайшее совершенство; исторический дух, который, будучи консервативным в лучшем смысле слова, свято бережет все ценности прошлого; чувство дружбы, которое соединяет воедино мужские души и образует между ними изумительно нежную связь, позволяя даже дружбу между полами выволить из вечного проклятия; богатство религиозного чувства, которое исполняет и воплощает "ecclesia spiritualis", и наконец духовная рецептивность, — желанный сосуд для откровения.

Сколь не негативно дон-жуанство, но на противоположном полюсе оно может означать смелую, безоглядную мужественность, устремленность к высочайшим целям, брутальность в отношении всяческой глупости, тупого упорства, несправедливости и ленности; готовность принести себя в жертву, граничащая с героизмом, ради того, что считается правильным; настойчивость, нестигаемость и непреклонность воли; любопытство, которое не страшится мировых загадок; и в конце концов — революционный дух, который берется за строительство "нового дома" для своего ближнего или готов переделывать мир на другой лад.

Все эти возможности находят свое отражение в мифологемах, которые я выше перечислил как аспекты архетипа матери. Так как комплекс матери у сына я уже обсуждал в целом ряде произведений, в том числе во всех Анима-сплетениях, то в этих лекциях, где речь идет только о типе матери, оставим психологию мужчины в стороне.

В. Комплекс матери у дочери

а. Гипертрофия материнского

Прежде было замечено, что материнский комплекс (В этой главе я изображаю целый ряд типов материнского комплекса, чем вовсе не составляю реестр терапевтического опыта. Типы есть не отдельные случаи, что, верно, знает каждый образованный человек. Точно так же "тип" — не есть некая изобретенная схема, в которую обязательно должны вписываться все встречающиеся на практике случаи. "Типы" суть некие идеальные конструкции, усредненные образцы, с которыми никак нельзя идентифицировать каждый отдельный случай. Люди, черпающие свой опыт только из книг и из психологических лабораторий, не

могут, конечно, составить правильное представление о психологическом опыте врача.) у дочери порождает в какой-то мере гипертрофию женского начала или же, соответственно, его атрофию. Если женственность преувеличивается, то это означает усиление всех женских инстинктов, в первую очередь материнского инстинкта. Негативным аспектом последнего является женщина, единственная цель которой — рожать и рожать. Ясное дело, что мужчина тогда представляет собой нечто второстепенное; он — существенный инструмент зачатия, и ему — в качестве объекта, за которым нужен уход, — отводится последнее место после детей, бедных родственников, котов, кур и мебели. Однако и собственная личность такой женщины — нечто побочное; она даже более или менее бессознательна, потому что жизнь проживается в других и через других; таким образом, вследствие бессознательности собственной личности она идентифицирует себя с ними. Сначала она носит детей, потом цепляется за них, потому что без них у нее вообще нет никакого *raison d'être*. Как Деметра вырывает она у богов право на владение собственной дочерью. Эрос развился только лишь как материнская связь и не осознается в качестве личностной. Бессознательный эрос проявляется всегда как власть (Это утверждение основано на многочисленном опыте, потому что там, где отсутствует любовь, власть занимает это пустое место.), вот почему этот тип (при видимой готовности к самопожертвованию) все же совершенно не в состоянии принести никакой настоящей жертвы; следуя материнскому инстинкту этот тип женщин с безоглядной волей и напором продирается и захватывает власть, что приводит к уничтожению как собственной личности, так и частной жизни ребенка. Чем более бессознательной является такая мать в своей собственной личности, тем больше и могущественней ее бессознательная воля к власти. При встрече с таким типом нередко случаи, когда подходящим символом была бы не Деметра, а Баубо. Разум тут усердствует не ради самого себя, он не заботится о самом себе, а застывает преимущественно в форме своего изначального приложения и устроения, т. е. он остается изначальным натурным, не соотносящим себя с миром и беспечным, однако он при этом является таким же истинным, а иногда даже и таким же глубоким, как природа (Термин, который я использовал в моих английских семинарах, звучал "natural mind" ("натуральный ум").). Однако сама женщина этого не знает и потому не может, с одной стороны, оценить остроту своего разума, а, с другой стороны, она не способна удивляться — в философском смысле — его глубине, случается, что она вовсе забывает только что сказанное.

в. Преувеличение эроса

Комплекс, который вызывают такие матери у дочери, не стоит сводить опять лишь к гипертрофии материнского инстинкта. Как раз напротив, бывает даже так, что этот инстинкт у дочери совершенно затухает. На его место в качестве суррогата заступает чрезмерный эрос, который едва ли не закономерно приводит к бессознательным инцестуозным отношениям с отцом (В этом случае инициатива исходит от дочери. В других случаях психология отца (Анима-проекция) служит причиной и инициирует инцестуозную спутанность у дочери.). Возвышающийся эрос вызывает аномальное подчеркивание личности другого человека. Ревность к матери и желание ее перекозырять становятся лейтмотивами последующих начинаний, которые зачастую бывают губительными по своей природе. Лица такого рода любят сумасбродные и ошеломляющие отношения именно ради них самих; они интересуются женатыми мужчинами и, конечно же, менее всего ради личного благополучия последних, но исключительно по той причине, что те женаты и потому представляется случай нарушить брак, — что и есть главная цель их упражнений. Как только эта цель достигнута, интерес испаряется — из-за поврежденного материнского инстинкта — и на очереди стоит кто-то другой (В этом данный тип отличается от родственного себе, т. е. от отцовского комплекса у женщины, в последнем случае, напротив, наступает приписывание черт матери и невесты отцу — "оматерение и оневестивание" отца.). Этот тип

характеризуется бессознательностью, достойной всяческого удивления. Такие женщины находятся прямо-таки в ослеплении касательно своих собственных дел и побуждений (Это не должно звучать так, будто они бессознательны в отношении самих фактов. Это касается только их значения, которое остается для них бессознательным.), что не только для лиц, соучаствующих во всех их делах, но так же и для них самих не приносит ровным счетом никакой пользы. Едва ли мне нужно специально указывать на то, что для мужчин с вялым эросом этот тип представляет отменную возможность для Анима-проекции.

с. Идентичность с матерью

В том случае, если у женщины с материнским комплексом не происходит усиление эроса, то возникает идентичность с матерью и паралич всего, что можно назвать собственно женским. Наступает проекция собственной личности на мать, из-за бессознательности собственного инстинктивного мира, материнского инстинкта, впрочем как и эроса. Все, что напоминает материнство, ответственность, личную привязанность и эротическое притязание, вызывает у таких женщин чувство неполноценности и принуждает их бежать прочь, — и конечно же к матери, которая все то, что дочери кажется совершенно недостижимым, переживает самым совершенным образом, так сказать, как сверхличность. Вызывая невольное удивление у дочери, мать как бы проживает все вместо нее. Последняя же довольствуется тем, что цепляется альтруистически за мать, и усердствуя при этом бессознательно, так сказать, против собственной воли, постепенно возвышается до тирана собственной матери, сначала, конечно же, под маской полной лояльности и преданности. Ее существование проходит в тени, часто кажется, будто мать отсасывает у нее жизнь и словно продлевает свою собственную этими постоянными вливаниями свежей крови. Однако таким блеклым девицам брак не заказан. Напротив, несмотря на их призрачность и внутреннюю безучастность, — или как раз именно поэтому, — на рынке невест они котируются очень высоко. Прежде всего они настолько пусты, что мужчина может в них подозревать решительно все; они в такой мере бессознательны, что бессознательное простирает из них бесконечные щупальца, — если не сказать — невидимые клешни полипов, и всасывает все мужские проекции, (что мужчинам в подавляющем большинстве приходится по вкусу). Ведь столь большая женская неопределенность — возделенный эквивалент для мужской определенности и однозначности, от которой только тогда можно более или менее удовлетворительно поправиться, когда все сомнительное, двусмысленное, неопределенное, неясное в проекции мужчине удастся свалить на прелестную женскую невинность (Этот тип женщин оказывает особо облегчающее действие на супруга, — и именно до тех пор, пока тот не обнаружит — на ком он женился и с кем он делит брачное ложе: с тещей.). Из-за характеристической внутренней безучастности и из-за чувства неполноценности, которые постоянно инсценируют обиженную невинность, мужчине выпадает выгодная роль — он должен с превосходством и все же потворствуя, т. е. квази-рыцарски, сносить известную женскую недостаточность. (То, что она на добрую часть происходит из его собственных проекций — остается для него тайной за семью печатями.) Особенно притягательно действует пресловутая беспомощность девушки. Она в такой мере является придатком матери, что даже совсем и не знает, что же ей, бедной, делать, если рядом оказался мужчина. И к тому же она так сильно нуждается в помощи, да к тому же, кажется, что она вообще ровным счетом ничего не знает, — что даже самый кроткий пастух становится отважным похитителем женщин, умыкая самым негодным образом беззащитную дочь у любящей матери. Это *immense chance*, которое вдруг оказалось тысячным тузом, выпадает не каждый день, а посему развивается немалая мотивирующая сила. Ведь точно так же и Плутон увел Персефону от неутешной Деметры, но должен был за это, — по определению богов — уступать теще свою жену на время летних вакансий. (Благосклонный читатель заметил, что такие легенды происходят вовсе не "нечаянно"!)

d. Защита от матери

Все три ранее изложенных типа связаны между собой многими промежуточными ступенями, среди которых я хотел бы упомянуть только самую главную. В случае этого усредненного типа речь уже не о возвышении или ослаблении женского инстинкта, а скорее о какой-то защите, преобладающей над всеми остальными, от сверхвластия матери. Этот случай является образцом так называемого негативного комплекса матери. Его лейтмотив: все, что угодно, но только не как мать! С одной стороны, речь идет об ослеплении, которое, однако, не становится идентичностью, с другой стороны — о возвышении эроса, который, однако, истощается в своего рода ревнивом противоборстве с матерью. Такая дочь, правда, знает все, чем она не хочет быть, однако ей по большей части неизвестно, что же она собственно помышляет про свою собственную судьбу. Все ее инстинкты концентрируются в форме защиты от матери, а поэтому они неприменимы и не применяются для обустройства своей собственной жизни. Если же случится такое, что она, к примеру выйдет замуж, то брак ей будет нужен только лишь затем, чтобы отделаться от матери; или же судьба сыграет с ней злую шутку и одарит ее мужем, который имеет много общего с матерью в существенных чертах характера. Все инстинктивные процессы и житейские нужды будут сталкиваться с неожиданными затруднениями: или плохо функционирует сексуальность, или дети появляются некстати; или материнский долг кажется непереносимым, или требования совместной супружеской жизни вызывают в ответ нетерпение и раздражение. Это происходит оттого, что все перечисленное как бы не относится к существенным жизненным событиям, ибо наивысшую цель жизни составляет только и исключительно защита от матери, причем в какой угодно форме. В таких случаях нередко можно усмотреть во всех тонкостях основные черты архетипа матери. Например, мать как семья или клан вызывает самое жесткое сопротивление или безучастность ко всему тому, что называется семьей, общностью, обществом, конвенцией и всем прочим. Сопротивление против матери как Uterus проявляется часто в болезненных менструациях, трудностях зачатия, в отвращении к беременности, кровотечениях во время беременности, выкидышах, прерываниях беременности и т. п. Мать как материя побуждает к нетерпимости в отношении к предметам, к неловкости при обращении с инструментами и утварью, а также к курьезам в одежде.

В качестве результата защиты от матери при иных обстоятельствах происходит спонтанное развитие рассудка с целью овладения какой-то сферой, в которую мать не входит. Это развитие исходит из собственной потребности, а не в угоду какому-то мужчине, которому хотелось бы импонировать или подыгрывать, исполняя роль духовного товарища. Это развитие должно служить тому, чтобы разрушить власть матери посредством интеллектуальной критики или превосходящих знаний или чтобы можно было выставить ей счет за все глупости, логические ошибки и пробелы образования. Рука об руку с развитием рассудка идет также выпячивание вообще всех мужских особенностей.

С. Позитивные аспекты материнского комплекса

а. Мать

Позитивный аспект первого типа, а именно, преувеличенное развитие материнского инстинкта, это как раз тот образ матери, который воспевался и почитался во все времена и на всех языках. Это та материнская любовь, которая принадлежит к самому что ни на есть умирительному и незабвенному воспоминанию повзрослевших сединок, это — тайный корень всех начинаний и превращений, который составляет молчаливую праросову возвращений к

родному очагу и поискам пристанища на чужбине, т. е. основу всяческого начала и конца. Известная до самого нутра и чужая как природа, нежная в своей переполняющей любви и жестокая как судьба — полная радости, неутолимая дарительница жизни, мать всех скорбящих и темные, безответные врата, которые затворяются за усопшими. Мать — это материнская любовь, это мое переживание, моя тайна. Как тут не сказать чего-то лишнего, чего-то слишком несправедливого, чего-то слишком непривлекательного и даже слишком лживого о том человеке, который назывался матерью и был ненароком и случайно — как нам хотелось бы сказать — носительницей того переживания, которое заключает в себе и ее, и меня, и все человечество — да, да именно всякую живую тварь, которая будет и сгинет с лица земли, того переживания жизни, детьми которого мы являемся? Ведь так поступали всегда, и так будут поступать всегда и впредь, однако умудренный опытом и сведущий человек уже более не посмеет перевалить это чудовищное бремя значимости, ответственности и работы, тяжести неба и преисподней на такого слабого и заблуждающегося человека, достойного любви, снисхождения, понимания и прощения, коим была наша мать. Этот человек знает, что мать является носительницей того, прирожденного образа *mater natura* и *mater spiritualis*, того совокупного объема жизни, которому мы как дети вверены на попечение и одновременно выброшены. Без какого-либо промедления он обязан избавить человеческую мать от этого вызывающего ужас бремени из уважения к ней и к самому себе. Потому что как раз именно это бремя значения является тем, что запирает нас в матери, а ее приковывает цепями к детям, — к душевной и психической гибели обоих. Нельзя развязать комплекс матери путем односторонней редукции матери к человеческому масштабу, в известном смысле "подчищая" ее. При этом мы подвергаемся опасности — расщепить на атомы переживание матери и вместе с тем разрушить наивысшую ценность, т. е. выбросить тот золотой ключик, который добрые феи положили нам в люльку. Поэтому человек всегда инстинктивно присоединял к родительной паре также и пресуществующую божественную пару, в качестве "gotfather" и "gotmother" новорожденного, чтобы тот никогда не забывался и не обременил бы — по своей ли бессознательности или из-за близорукости рационализма — своих родителей чем-то божеским.

Архетип — менее всего является некоей научной проблемой, в первую очередь это именно настоящий вопрос душевной гигиены. Даже если бы у нас отсутствовали всяческие доказательства в пользу существования архетипов, и если бы все рассудительные люди нас убедительно заверили в том, что ничего подобного не может быть, мы все же должны были бы изобрести эти архетипы и именно для того, чтобы наши самые высокие и самые природные ценности не потонули в бессознательном. Если бы они на самом деле упали в бессознательное, то вместе с тем исчезла бы и вся элементарная сила изначального переживания. Вместо этого наступила бы фиксация на имаго матери, и если мы над этим образом достаточно мастерски помудрствовали бы, то оказались бы совершенно и полностью привязанными к *ratio* и тогда порешили бы, что верить следует исключительно чему-то рассудочному. С одной стороны, это конечно же добродетель и преимущество, но с другой стороны, — ограничение и оскудение, потому что тем самым человек приближается к пустыни доктринерства и "просветительства". Эта *Deesse Raison* распространяет обманчивый свет, который освещает только то, что уже знают, однако покрывает мраком все те вещи, которые в самую первую очередь нужно было бы узнать и сделать сознательными. Чем более самостоятельный вид напускает на себя разум, тем все более он становится чистым интеллектом, который на место действительности ставит заученные догматы, и перед глазами у него прежде всего не человек, каков он есть, а его признак и обманка.

Мир архетипов должен у человека оставаться осознанным — понимает он это или нет — потому что в нем человек является еще природой и связан там со своими корнями. Мировоззрение и общественный порядок, которые отрезают человека от пробразов жизни, не только не являются культурой, но в значительной мере представляют тюрьму или хлев.

Если же праобразы остаются хоть в какой-то форме осознанными, то энергия, которая им соответствует, стекается к человеку. Когда же более уже не удастся поддерживать эту связь с образами, то энергия, которая выражается посредством этих самых образов и которая вызывает те самые захватывающие ослепления, опять падает в бессознательное. В результате последнее получает некоторый заряд, коим ссужается чуть ли не как неотразимой *vis a tergo* каждое воззрение, или идея, или тенденция, — и которые (как соблазнительная цель) удерживают рассудок в *concupiscentia*. Таким образом, человек безвозвратно становится добычей своего сознания и его рациональных понятий, правильных и неправильных. Я далек от того, чтобы умалять божий дар разума, этой наивысшей человеческой возможности. Но в качестве единственного властелина он не имеет никакого смысла, точно так же, как и свет в том мире, в котором бы ему не противостояла темнота. Право же, человеку следовало бы внять мудрому совету матери и ее неумолимому закону естественного ограничения. Никогда не следовало бы забывать, что мир существует лишь потому, что его противоположности поддерживаются в равновесии. Так рациональное уравнивается иррациональным и планируемое в грядущем — данным в настоящий момент.

Это отступление и рассмотрение всеобщих проблем было совершенно неизбежным, потому что мать — первый мир ребенка и последний мир взрослого. В мантию этой великой Исиды мы все укутаны как ее дети. Вернемся же однако к нашим типам материнского комплекса. У мужчины комплекс матери никогда не бывает в "чистом" виде, он всегда смешан с архетипом Анимы, — и как следствие этого: мужские высказывания о матери в высшей степени эмоциональны, т. е. они предрешены чем-то "аниматическим". Только на материале женщин существует возможность изучать эффекты архетипа матери без "аниматического" подмешивания, что, конечно же, имеет определенную перспективу на успех только там, где еще не развился компенсирующий Анимус.

в. Преувеличенный эрос

Перейдем теперь ко второму типу женского комплекса матери, а именно, к преувеличению эроса. Ранее я сделал набросок портрета этого типа, когда он встречается в патологических формах, то выглядит особо неприглядно. Однако этот, столь мало привлекательный тип, имеет позитивный аспект, без которого сообщество не хотело бы обходиться. Возьмем самые что ни на есть скверные последствия этой установки, а именно, беззастенчивое разрушение брака; мы, однако, можем заметить: за этим лежит осмысленное и целесообразное устройство природы. Этот тип чаще всего происходит, как уже описывалось, из противодействия исключительно натурной, чисто инстинктивной и потому всепоглощающей матери. Такой тип матери является анахронизмом, рецидивом мрачного матриархата, где мужчина влачил свое пошлое существование только лишь как оплодотворитель и как рабочая лошадка. Реактивное возвышение эроса у дочери нацелено на того мужчину, который лишен превосходства, присущего всему матерински-женскому. Такая женщина всегда будет инстинктивно вмешиваться в случаях, в которых бессознательность партнера по браку провоцирует ее к этому. Она нарушает столь опасную для мужской личности ленность, которую он с большой охотой считает верностью. Эта ленность ведет к бессознательности собственной личности и к тому кажущемуся идеальным браку, где мужчина не что иное, как лишь "папа", а женщина — лишь "мама", и где супруги титулуют друг друга точно так же. Это — покатая дорожка, которая легко низводит супружество до бессознательной идентичности партнеров.

Женщина нашего типа направляет жаркие лучи своего эроса на того мужчину, который оказался в тени материнского начала, и возбуждает тем самым моральный конфликт. Но без этого не бывает никакой осознанности личности. "Однако почему, — конечно же спросят

меня, — должен человек "a tort et a travers" добиваться более высокой осознанности?" Этот вопрос бьет в самое яблочко проблемы, и ответить на него, пожалуй, трудно. Вместо того чтобы действительно на него ответить, я могу лишь исповедовать нечто вроде веры: мне кажется, что через тысячу миллионов лет в конце концов кто-нибудь должен будет знать, для чего существует этот удивительный мир горы, моря, солнца и луны, млечного пути, тумана неподвижной звезды, растений и животных. Когда я стоял на маленьком холмике в Ати-Плейнсе в Восточной Африке и видел, как многотысячные стада диких животных паслись в безмолвной тишине — точно так же, как они это делали в незапамятные времена, — то у меня тогда возникло чувство, что я есмь первый человек, первое живое существо, которое одно только и знает, чем является все это. Весь этот мир вокруг меня был еще в первозданном покое и не ведал, что он существует. И как раз в момент постижения этого мир претворился и состоялся, и без этого момента его бы никогда не было. К этой цели стремится вся природа и находит ее осуществленной в человеке, всегда, правда, только в человеке, осознающем это все самым совершенным образом. Всякий, даже самый маленький шаг вперед по стезе становления сознания творит мир.

Не бывает осознанности без различения противоположностей. Это — отцовский принцип логоса, который вырывается в ходе бесконечной борьбы из первотеплоты и пратьмы материнского лона, т. е. как раз из бессознательности. Не боясь никакого конфликта, никакого страдания, никакого греха, страдает и тянется божественное любопытство к рождению. Бессознательность есть первогрех, в конечном счете — зло для логоса. Однако его мирозозидающее дело по очищению — это смерть материи, и дух, который отважился на все высоты и бездны, должен, как говорил Синезий, претерпевать также и божественное наказание, — быть прикованным цепями к утесу Кавказа. Потому что ничего не может быть без иного себе, потому что и то, и другое вначале были чем-то "единым" и в конце опять станут этим "одним". Сознание может существовать только при постоянном признании и постоянно принимая во внимание бессознательное так же, как и вся жизнь должна пройти через много смертей.

Возбуждение конфликта — это люциферова добродетель в подлинном смысле этого слова. Конфликт порождает пламя аффектов и эмоций и как, всякий огонь, конфликт также имеет два аспекта, а именно, аспекты сжигания и порождения света. С одной стороны, эмоция есть алхимический огонь, тепло которого делает все лишь видимостью и жар которого сжигает "omnes superfluitates comburit", все излишества, — с другой стороны, эмоция — это тот момент, когда сталь касается камня и высекает искру: эмоция есть как раз самый главный источник всякого становления сознания. Не бывает превращения из тьмы в свет или из застылости в движение без эмоции.

Женщина, на роду у которой написано быть возмутительницей, деструктивна лишь исключительно в патологических случаях. В случае нормы она в качестве возмутительницы сама охвачена беспокойством, как несущая превратности она сама превращается, и сиянием огня, который она возбуждает, озаряются и освещаются все жертвы этой завязки. Что казалось бессмысленным нарушением — стало благовестом — "потому что все тщетное улетучилось" ([Faust. 2. Teil. Bergschlucht].).

Если у женщины подобного рода смысл ее функции остается бессознательным, т. е. если она не ведает, что она часть "той силы, которая хочет зло, а творит благое" ([Faust. 1. Teil. Studierzimmer].), то она погибнет от того самого меча, который она же принесла. Осознанность, однако, превратит ее в ту, кто расторгает и избавляет.

Женщина третьего типа, а именно, того самого типа полной идентичности с матерью (Вызванной проекцией инстинкта.) при полной расслабленности собственного инстинкта, ни в коем случае не является нулем без палочки. Как раз напротив, на широких просторах нормы всегда имеется возможность того, что пустой сосуд наполнится именно посредством интенсивной Анима-проекции. Конечно же, такая женщина всецело зависима: без мужчины она не может приблизиться к самой себе; ее на самом деле должно похитить у матери. Помимо этого она должна будет потом в течение длительного времени и с величайшим напряжением играть предписанную ей роль до тех пор, пока она ей не станет постылой. И, вероятно, только лишь спустя какое-то время и в результате всего этого она будет в состоянии обнаружить, кем же она является сама по себе. Именно такие женщины могут быть жертвенными супругами тем мужьям, которые существуют исключительно и только благодаря идентичности с профессией или с одаренностью, в остальном же они бессознательны и остаются таковыми. И так как они сами представляют собой только лишь маску, то женщина должна суметь — и достаточно натурально — сыграть роль аккомпанемента. Такие женщины, однако, могут обладать ценными дарованиями, которые никогда не достигнут развития только потому, что их собственная личность вообще бессознательна. В этом случае наступает проекция ее дарования на супруга, вовсе лишенного такового, — и мы видим как некто, воистину ничтожный, прямо-таки невзрачный, внезапно, словно по волшебной лестнице, взмывает на самые запредельные высоты. *Chercher la femme*, вот где ключ к разгадке тайны этого успеха. Такие женщины напоминают мне — простите малоучитивое сравнение — больших сильных сук, которые улепetyвают от крошечного брехливого пса, просто потому, что он — страшный мужчина, и вдруг ему втемашится в голову начать кусаться.

В конце концов, пустота — великая женская тайна. Это нечто чуждое мужчине, полость, бездонная пучина чего-то иного, Инь. Возбуждающая сострадание убогость этой обнуленности (я сейчас говорю как мужчина) является — я чуть было не сказал — "к сожалению" — могущественной мистерией описанной непостижимости всего женского. В конечном счете такая женщина — судьба. Мужчина может говорить — об этом, супротив этого или взамен этому — все или ничего, или то и другое разом, — но в конце концов, он все же падет счастливый до безрассудства в это лоно или же упускает и губит свой единственный шанс по завладению своей мужественностью. Нельзя же каждому отказать в робком счастье, нельзя же каждому растолковать его несчастья. "Как — Матери? звучит так странно имя!" ([Faust. 2. Teil. Pinstere Galerie]). С этими охами и вздохами, которые повергают мужчину и приводят к капитуляции на границе царства матерей, обратимся мы теперь к четвертому типу.

d. Негативный комплекс матери

Этот тип характеризуется негативным материнским комплексом. Если мы имеем патологические проявления такого типа женщин — то это малопривлекательная, взыскательная и неподходящая спутница для мужчины, так как все, чего она домогается, встает дыбом против того, что произрастает и бьет ключом из естественной первопричины. Однако никак нельзя сказать, что прибывающий жизненный опыт не вразумляет и не разуверяет ее, — ведь перед ней прежде всего стоит задача по одолению матери в личностном и очень ограниченном смысле. Однако при благоприятном раскладе она будет противиться всему темному, неясному, двусмысленному, будет холить и привечать все определенное, ясное, разумное. Она превзойдет свою женственную сестру в непредвзятости и в холодном суждении; своему мужу она будет другом, сестрой и способной к рассуждению советчицей. Она способна ко всему этому прежде всего по причине своих чисто мужеских

благоволения, которые способствуют развитию ее человеческого рассудка, лежащего по ту сторону от всякой эротики, в направлении мужской индивидуальности. Из всех форм материнского комплекса у нее, пожалуй, самые хорошие шансы побить рекорд в браке во второй половине жизни, — но это конечно же только в том случае и только при одном условии: если она успешно преодолела преисподнюю только-женского, хаос материнского чрева, который ей (вследствие ее негативного комплекса) угрожает более всего на свете. Но в действительности, как известно, комплекс преодолевается только тогда, когда он исчерпывается до самой последней глубины самой жизнью. Все, что мы отринули от себя из основ комплекса, нам должно потом опять испытать вместе с осадком, если мы хотим из этого выйти.

Такая женщина приближается к миру с повернутым назад лицом, как жена Лота, оцепеневшая после Содомы и Гоморры. Между тем жизнь и мир проходят мимо нее как сон — как тягостный источник иллюзий, разочарований и возбуждений; и все это покоится как раз на том, на что она не может себя заставить хоть единожды напрямик взглянуть на мир. И жизнь ее становится тем, с чем она больше всего боролась, т. е. сугубо матерински-женским — вследствие ее исключительно реактивно-бессознательной установки на действительность. Если же она обратит лицо к миру, то он откроется ей, так сказать, в первый раз, в свете зрелой прозрачности, украшенный цветами и всеми прелестными причудами юности или даже детства. Такие прозрения означают познание и открытие истины, которая является непременным условием осознанности. Часть жизни прошла мимо, смысл жизни однако для нее спасен.

Женщина, которая борется с отцом, имеет только лишь возможность чувственно-женской жизни, потому что она протестует только против того, что ей чуждо. Если же она борется с матерью, то она может, рискуя причинить вред инстинкту, достигнуть более высокого уровня осознанности, потому что в матери она отрицает темноту, подверженность влечениям, двусмысленность и бессознательность своей собственной сущности. Благодаря своей ясности, деловитости и мужественности именно женщина такого типа часто занимает высокое общественное положение, где ее, часто открытая с большим запозданием, материнская женственность под руководством холодного рассудка разворачивает благодатную деятельность. Однако редкая комбинация женственности и мужского рассудка находит себе подтверждение не только в чем-то внешнем, но и в области душевной интимности. Она — как духовная водительница и советница мужа — может играть, потаенно от внешнего мира, влиятельную роль невидимого *spiritus rector*. Благодаря своим качествам она прозрачней для мужа, чем прочие формы материнского комплекса, и поэтому мужской мир часто наделяет ее проекциями добронравного материнского комплекса. Все слишком-женское пугает определенный тип мужского материнского комплекса, для которого характерна большая нежность чувства. Этой женщины он не боится, потому что она наводит мосты к мужскому духу, по которому он может уверенно препровождать свое чувство на другой берег. Ее артикулированный рассудок вселяет в мужчину доверие, элемент, который нельзя недооценивать, и что отсутствует в мужеско-женских отношениях намного чаще, чем это полагают. Эрос мужчины идет не только через, но и вовнутрь того скрытого темного мира Гекаты или Кали, которого страшится каждый духовный мужчина. Разум этой женщины становится для него звездой в безнадежной темноте на, вероятно, бесконечной стезе заблуждений.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из всего сказанного ранее, должно быть, стало ясно, что как свидетельства мифологии, так и действия комплекса матери, если отбросить их казуистическую многообразность, в

конечном счете относятся к бессознательному. Как иначе дошел бы человек до такой мысли, — поделить космос (используя аллегорию дня и ночи, лета и зимнего ненастья) на светлый мир дня и мир тьмы, наполненный сказочным существом, — если бы он прежде не нашел праобраз всего этого в самом себе, в своем сознании и в действенном, хотя и незримом, т. е. в дремучем бессознательном. Изначальное постижение объекта только лишь отчасти исходит из объективного положения вещей, однако намного чаще и по большей части — из интрапсихических фактов, которые вообще-то только благодаря проекции могут иметь дело с какими-то предметами. Это происходило всегда, когда примитив, еще не ведающий аскезы духа, т. е. критического познания, узнавал мир как всеобщее явление только сумеречно в пределах форм фантазии, наполняющих его; где субъективное и объективное неразличимо проникают друг в друга. "Все, что вовне — также и внутри", — можно было бы сказать вместе с Гете ([*"Nichts ist drinnen, nichts ist draussen; / Denn was innen, das ist aussen". Gott und Welt Epirrhema.*]). Это "внутри", которое современный рационализм с такой большой охотой производит из "внешнего", имеет свою собственную структуру, которая предшествует всякому сознательному опыту как нечто априорное. Никак нельзя себе представить, как опыт в самом широком смысле, да и вообще психическое, могло бы возникнуть из чего-то внешнего. Психика принадлежит к самой интимной тайне жизни; и как все органически-живое имеет свою, присущую только ей структуру и форму, — точно так же и психика. Возникли ли вообще когда-либо душевная структура с ее элементами, как впрочем и архетипы, — этот вопрос метафизики, и потому на него нельзя ответить. Эта структура всякий раз есть то, что оказалось найденным, т. е. то, что во всяком случае всегда уже было: предпосылка. Это — мать, форма, в которой постигается все переживаемое. Отец же, как нечто ей противоположное, репрезентирует динамику архетипа, потому что последний есть и то и другое, форма и энергия.

Носительницей архетипа в первую очередь является конкретная мать, потому что ребенок поначалу живет с ней в исключительной партиципации, т. е. в бессознательной идентичности. Мать — это не только физическая, но также и психическая предпосылка ребенка. Вместе с пробуждением Я-сознания партиципация постепенно развязывается, и сознание начинает вступать в противоречие с бессознательным, т. е. со своей собственной предпосылкой. Из-за этого возникает отделение Я от матери, личное своеобразие которой становится постепенно все более отчетливым. Вместе с этим отпадают от ее образа все присочиненные и полные таинственности свойства, они смещаются на близлежащую виртуальность, к — примеру, на бабушку. Она — как мать матери — "больше" последней. Она, собственно, и есть "великая мать". Нередко она перенимает черты мудрости, так же как и черты колдовской ворожбы. Ибо чем дальше архетип удаляется от сознания, тем становится он прозрачнее, и отчетливей он принимает этот самый мифологический облик. Переход от матери к бабушке означает повышение ранга для архетипа. Об этом определенно свидетельствует, например, воззрение батаков: жертвоприношение мертвых причитается отцу, это обычная жертва. Если, однако, сын имеет своего собственного сына, то отец становится дедом и приобретает вместе с тем как бы ранг более высокого достоинства потустороннего. Тогда ему приносится великая жертва (Wameck. *Die Religion der Batak.*).

Поскольку дистанция между осознаваемым и неосознаваемым становится все больше, бабушка — посредством повышения ранга — превращается в Великую Мать, из-за чего внутренние противоположности этого образа расходятся и распадаются. С одной стороны, возникает добрая, а с другой — злая фея, или же благожелательная, светлая — и опасная, темная богиня. В западной античности и особенно в восточных культурах зачастую эти противоположности остаются объединенными в одном и том же облике, без того, чтобы сознание ощущало эту парадоксальность как мешающую. Как легенды о таких богах, точно так же и моральные облики их фигур как правило полны противоречий. В западной античности эта парадоксальность и моральная двусмысленность богов очень рано стали

камнем преткновения и начали вызывать соответствующую критику, которая — в конечном счете — с одной стороны, привела к обесцениванию олимпийской компании богов, с другой — дала повод к философским толкованиям. Пожалуй, отчетливей всего это выражается в христианской реформации иудейского понятия Бога: моральная двусмысленность Яхве превратилась исключительно в доброго Бога, которому противостоит дьявол, объединяющий в себе все зло. Создается впечатление, что усиленное развитие чувства у западного человека принудило к такому решению, которое рассекло божество на две половины по моральному основанию. На Востоке, напротив, преобладающая интуитивно-интеллектуальная установка не позволила чувственной оценке выносить решение, поэтому боги сумели сохранить нетронутой свою исходную моральную парадоксальность. Итак, репрезентативной для Востока является Кали, а для Запада — Мадонна. Она полностью утратила тень. Эта тень полностью провалилась в вульгарную преисподнюю, где она влачит едва заметное существование как "бабушка черта". Благодаря развитию чувственной оценки возвысилось сияние светлой и доброй богини до чего-то безмерного, однако темнота, которая, скорее всего, должна быть представлена чертом, локализовалась в человеке. Это своеобразное развитие было вызвано главным образом тем, что христианство, опасаясь манихейского дуализма, всеми силами пыталось сберечь монотеизм. Но так как в действительности нельзя было не признать темноту и зло, то не оставалось ничего иного, кроме как сделать человека ответственным за все это. Чуть было даже совсем не упразднили черта, из-за чего его метафизический облик, который ранее составлял интегральную часть божества, интроецировался в человека, так что последний стал подлинным носителем *mysterium iniquitatis* (греха): "omne bonum a Deo, omne malum ab homine!" ("Все благое от Бога, все злое (исходит) — от человека"). Это развитие в новое время обратилось чем-то адским: волк под покровом сна разгуливает повсюду и нашептывает на ухо, что подлинное зло есть не что иное, как неразумение добра и что это инструмент, вполне годный для прогресса. Полагают, что тем самым можно вконец разгромить мир тьмы, и не думают о том, на какую стезю душевного отравления направляют человека. Ведь он таким образом сам становится чертом, потому что последний есть половина архетипа, неодолимая сила которого даже у неверующего европейца при любой подходящей и неподходящей возможности исторгает возглас: "О Боже!". Если еще и можно что-то сделать, так это не идентифицировать себя с одним архетипом, потому что последствия этого — как свидетельствуют психопатология и некоторые современные события — ужасающие.

Запад в такой мере привел в упадок свое душевное хозяйство, что он должен оспаривать понятие душевной власти, — неукротенной и неукротимой человеком — а именно само божество, чтобы одолеть помимо уже заглоченного зла еще и добро. Прочтите как-нибудь внимательно и с психологической точки зрения Заратустру Ницше. Ницше изобразил — с редкостной последовательностью и страстью действительно религиозного человека — психологию того "сверхчеловека", бог которого умер; этот человек сломлен тем, что он запер божественную парадоксальность в узком кожухе смертного человека. Гете, мудрец, правильно заметил, "какой ужас охватывает сверхчеловека" ([FausL 1. Teil. Nacht. Der Erdgeist spricht.]), и навлек на себя тем высокомерную улыбку филистеров образования. Его прославление матери, величие которой охватывает Царицу Небесную и одновременно Марию Египетскую, означает наивысшую мудрость и крепкое наставление думающим европейцам. Однако, что мы хотим, собственно говоря, от того времени, когда даже компетентные представители христианской религии откровенно заявляют о своей неспособности постигнуть основы религиозного опыта. Возьму первое попавшееся предложение из (протестантской) теологической статьи: "Мы понимаем себя — натуралистически или идеалистически — как единое существо, а не так своеобразно разделенное, что враждебные силы могут вмешаться (Подчеркнуто мной. — Авт.) в нашу внутреннюю жизнь, как предсказывает Новый Завет" (Bultmann — цитировано по: Buri. Theologie und Philosophie. P. 117.). Автору очевидно неизвестно, что наука уже более чем

полстолетия как установила и экспериментально доказала лабильность и диссоциированность сознания. Наши сознательные интенции, так сказать, постоянно, в большей или меньшей степени нарушаются и перечеркиваются бессознательными вливаниями, причины которых нам кажутся инородными. Психика далека от того, чтобы быть единством; напротив, она — клокочущая смесь идущих наперекор друг другу импульсов, торможений и аффектов; их конфликтное состояние для многих людей столь непереносимо, что они желают избавления, даже разрекламированного теологией. Избавление от чего? Конечно же, от крайне сомнительного психического состояния. Единство сознания, соответственно так называемой личности, не есть действительность, а дезидерат. Я все еще живо помню некоего философа, который грезил этим единством и консультировался у меня по поводу невроза: он был одержим идеей, будто он страдает раком. Я не знаю, у сколь многих специалистов он уже консультировался прежде и сколь много сделал рентгеновских снимков. Его всегда уверяли, что у него нет никакого рака. Он сам мне сказал: "Я знаю, что у меня нет рака, но ведь он мог бы у меня быть". Кто ответствен за эту химеру? Он сделал ее не сам, но какая-то чуждая сила навязала ему это. Я не делаю различия между этим состоянием и состоянием одержимости в Новом Завете. Верую ли я в демона воздушного царства или в какой-то фактор бессознательного, который со мной разыгрывает эти бесовские проказы, — совершенно все равно. Факт остается фактом: человеку угрожают чуждые ему силы в его воображаемой и спесивой уникальности. Лучше бы теология трудилась над тем, чтобы в конечном счете просто привлечь внимание к этим психологическим фактам, чем со столетним запаздыванием их просветительно "демифологизировать".

В предыдущих разделах я попытался дать обзор тех психических явлений, которые приписываются господству образа матери. Я не делал специально каких-либо намеков, но мой читатель, конечно же, сразу сумел разглядеть под покровом персоналистической психологии те черты, которые характерны для мифологического облика Великой Матери. Когда мы предлагаем нашим пациентам, находящимся под влиянием образа Матери, выразить в слове или в образе, что они замечают и выделяют в качестве "матери" — будь то положительное или отрицательное — то мы получаем символические обличья, которые' можно считать непосредственными аналогиями к мифологическому образу матери. Конечно, с такими аналогиями ступаем мы в область, для объяснения которой потребуется намного больше работы. По крайней мере я не чувствую себя в состоянии высказать что-либо определенное на этот счет. Если же, несмотря на это, я все же рискну сделать некоторые замечания, то я хотел бы, чтобы их рассматривали как предварительные и необязательные.

Прежде всего я хотел бы привлечь внимание к тому особому обстоятельству, что образ матери находится на совершенно другом уровне, когда тот, — кто его выражает, — является мужчиной, а не женщиной. Для женщины мать есть тип ее сознательной, сообразной с полом жизни. Для мужчины, однако, мать есть тип какого-то переживаемого, чуждого визави, наполненного образным миром латентного бессознательного. Уже по этой причине материнский комплекс мужчины принципиально отличается от такого же комплекса у женщины. Соответственно этому мать для мужчины, — с самого, так сказать, начала — нечто, имеющее явно выраженный символический характер, и поэтому затрагивает, конечно же, те тенденции, которые идеализируют мать. Идеализация есть скрытый амулет. Идеализируют там, где нужно изгнать страх. Угрожающим является бессознательное и его магическое влияние (Само собой разумеется, что дочь может также идеализировать мать, к чему однако необходимы особые обстоятельства, в то время как у мужчины идеализация имеет место, так сказать, в пределах нормального хода событий.).

В то время как у мужчины мать символизирует *ipso facto*, у женщины она, по-

видимому, только в ходе психического развития становится символом. Опыт с очевидностью показывает, что у мужчин тип Урании в общем проступает сильнее, в то время как у женщин — преобладает хтонический тип, так называемая земляная мать. На первой фазе, когда выступает архетип, случается более или менее полная идентичность с праобразом. Женщина может непосредственно идентифицировать себя с земляной матерью; мужчина же — нет (исключая психотические случаи). Как нам излагает мифология, к своеобразиям Великой Матери относится то, что она часто появляется спаренной со своим мужским соответствием. Мужчина идентифицирует себя поэтому с сыном-возлюбленным, благодетельствованным Софией, неким "puer aeternus" или "filius sapientiae", неким мудрецом. Но спутником хтонической матери является как раз нечто прямо противоположное, итафаллический Гермес (или как в Египте — Бес), или — выражаясь по-индийски — Линга. Этот символ имеет в Индии высочайшее духовное значение, впрочем как и Гермес — одна из самых противоречивых фигур эллинского синкретизма, в котором берет свои истоки положительное духовное развитие Запада: Гермес — это также бог откровения, а в ранней средневековой натурфилософии никак не меньше, чем сам миротворящий нус. Пожалуй, лучше всего эта тайна выражена в темных словах "Tabula Smaragdina": "Omne suoerius sucut inferius" ([Ruska (Hg). P. 2. "Все, что наверху, подобно тому, что снизу".]).

Вместе с этой идентификацией мы вступаем в область сизигии, а именно, спаривания противоречий, где одно никогда не отделимо от другого, ему противоположного. Это та сфера переживаний, которая непосредственно ведет к опыту индивидуации, становлению Самости. Можно было бы, вероятно, привести в качестве примеров (из западной литературы и уж подавно из кладеза мудрости Востока) множество символов этого процесса, однако в этом деле слова и понятия, да даже идеи, мало что значат. Они даже могут стать опасной ложной стезей. В этой воистину еще темной душевной области опыта, где нам архетипы, так сказать, выступают навстречу, яснее ясного становится их психическая власть. Если эта сфера и представляет собой нечто, то это сфера чистого переживания, и поэтому ее нельзя схватить формулами или антиципировать. Знатоку, конечно же, станет ясно без многословных пояснений, какое напряжение выражает Апулей в своей блистательной молитве Regina Coeli, когда он к coelestis Venus присоединяет "nocturnis ululatus horrenda Proserpina" ([Metamorphoseos., lib. XI. P. 223. — Прозерпина, которая возбуждается своим ночным ужасом.]): это и есть устрашающая парадоксальность изначального образа матери.

Когда я в 1938 г. набросал первую редакцию этой статьи, то я совсем не ведал, что 12 годами позже христианское обличье архетипа матери могло бы возвыситься до догматической истины. Христианская Regina Coeli стряхнула, само собой разумеется, все олимпийские свойства за исключением света, добра и вечности, и даже свое человеческое тело, которому, как таковому, отказали в грубо материальной тленности и которое превратилось в неземную нетленность. Несмотря на все это чистая аллегорика Божьей Матери сохранила некоторую связь со своими языческими предначертаниями в Исида (или Ио) и Семеле. Не только Исида и ее дитя Гор являются иконологическими праобразами, но также небесное путешествие Семелы, изначальное смертной матери Диониса, предполагает assumptio Beatae Virginis. Так же точно и сын Семелы — умирающий и воскресающий бог (и самый молодой олимпиец). Сама Семела, кажется, стала старой богиней Земли, так же как Дева Мария есть земля, из которой родился Христос. При таких обстоятельствах у психологов, конечно, возникает вопрос, куда вообще подевалось в этом случае столь характерное для образа матери отношение к земле, к темноте и к бездонности телесного человека с его анималистической животной и страстной природой и к "materia" вообще? Оглашение догмата было достигнуто в то время, когда достижениям естественной науки и техники вкупе с рационалистическим и материалистическим мировоззрением о духовной и душевной доброте человечества угрожало полнейшее уничтожение. Человечество оснастилось страхом и отвращением к ужасному разрушению. Вероятно, наступили

обстоятельства, когда должно было применить водородную бомбу и когда немыслимо чудовищное дело стало неминуемым для оправданной обороны собственного существования. При таком фатальном развитии событий Божья Матерь, возвышающаяся на небе, находится в острейшем противоречии, да, ее *assumptio* означает даже намеренную контрмеру против материалистического доктринерства, которое представляет собой бунт хтонических сил. Как в свое время вместе с явлением Христа сначала возник собственно черт и противник Бога из первоначального, на Небе находящегося Сына Божьего, так же и сейчас, наоборот, небесный облик отщепился от своей изначальной хтонической области и занял контрпозицию по отношению к раскрепощенным титаническим силам земли и преисподней. Как только с Божьей Матери были сняты все сущностные свойства вещественности, так материя разодушевилась до самого что ни на есть основания, и это именно в то время, когда физика продвигается к таким признаниям, которые делают материю если не полностью "развеществленной", то все же наделяют ее этими свойствами, а также проблематизируют ее отношение к физике. Точно так же как мощное развитие естественных наук сначала привело к опрометчивому развенчанию Бога и к столь же необдуманному разбоживанию природы, сегодня научный натиск познания намеревается перебросить мосты между чудовищной бездной, которая установилась между двумя мировоззрениями. Психология склоняется к тому, чтобы узреть в догмате *assumptio* некий символ, который предполагает указанное развитие в определенном смысле. Она считает отношения к земле и к матери непреложными условиями архетипа матери. Но если один из этих двух безусловных обликов — на небе, т. е. в царстве духов, представляется воспринятым, то тем самым это означает объединение земли и неба, соответственно материи и духа. Естественно-научное познание пошло, конечно, обратным путем: оно признало в самой материи эквивалент духа, при этом образ такого "духа" оказался лишенным почти всех или по крайней мере большей части признанных ранее свойств, впрочем так же, как и земной материал, который торжественной поступью на небо скинул с себя свои специфические особенности. Тем не менее начало по объединению разделенных принципов было положено.

Взятое в конкретном смысле, *assumptio* означает абсолютную противоположность материализму. Понимаемый таким образом встречный ход ни в коем случае не смягчает напряжение между противоположностями, но только тянет их к экстремуму.

Однако при символическом понимании *assumptio* тела это означает признание материи, которая, в конечном счете, может идентифицироваться со злом только вследствие чрезвычайной пневматической тенденции. Сами по себе — как дух, так и материя — нейтральны или, лучше сказать, "*utriusque sara*", т. е. способны к тому, чтобы человека назвать добрым или злым. Хотя эти обозначения имеют в высшей степени относительную природу, в их основе лежат все же действительные противоречия, которые принадлежат к энергетической структуре физической, равно как и психической природы, и между ними не существует межи. Нет утверждения без отрицания. Хотя — или даже благодаря экстремальной противоположности — одно не может быть без другого. Именно так, как формулирует классическая китайская философия: янь (т. е. светлый, теплый, сухой и мужской принцип) содержит в себе зародыш инь (темного, холодного, влажного и женского принципа), и наоборот. Поэтому в материи вполне позволительно открыть зародыш духа и в духе — зародыш материи. Известные с давних пор и статистически подтвержденные Ринешем эксперименты феноменов "синхроничности" дают указания по всей видимости в том же направлении ([Jung.] *Synchronizität als ein Prinzip akausaler Zusammenhänge*.). Некоторая одухотворенность материи ставит под вопрос абсолютную имматериальность духа, хотя ему следовало бы причислить некоторый род субстанциальности. Церковный догмат — во время величайшего политического напряжения, которое вообще знала история, — есть компенсирующий символ, соответствующий стремлению в современной

естественной науке, к единому образу мира. В некотором смысле обеим тенденциям развития в алхимии предшествовала противоположность в форме *hieros gamos*, конечно только в символической форме. Символ, однако, имеет большое преимущество, потому что он в состоянии заключить в один образ гетерогенные, даже несочетаемые и несоединимые факторы. Вместе с закатом алхимии разрушилось символическое единство духа и вещества, и вследствие этого современный человек оказался лишенным корней и чужим в обездушенной природе.

Алхимия рассматривала объединение противоположностей в символе дерева; и это совсем не удивительно, что бессознательное сегодняшнего человека, который уже более не чувствует себя в мире как дома и который не может обосновать свое существование — ни в несуществующем отныне прошлом, ни в еще несуществующем будущем, — опять ухватилось за символ дерева, укорененного в этом мире и простирающегося в небесную высь: мирового древа, которое есть человек. История символа показывает нам, что дерево есть путь и рост к чему-то неизменяющемуся и вечносуществующему (пребывающему в вечности), к тому, что возникает благодаря объединению противоположностей и что (посредством своего вечного уже-наличного-бытия) делает возможным такое объединение. Представляется, будто человек, который тщетно ищет свое существование и делает из этого философию, обретает-таки вновь — через переживание символической действительности — обратный путь в тот мир, в котором он не чужестранец и не пришелец.

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

